

НОВОВЪИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 8 (1168)

Август, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕКАТЕРИНА СИМОНОВА — Вихри легкого праха, стихи	3
ОЛЕГ ЕРМАКОВ — Живознание на Вазузе и Волге. Главы книги «Хождение за три реки»	7
ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР — Из новых стихотворений	63
ДАША МАТВЕЕНКО — Чужая юность, роман. Продолжение	66
СЕРГЕЙ СКУРАТОВСКИЙ — Король-можжевелик, стихи	115
АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ — Шестьдесят двенадцать парижских мест, психогеографическая проэзия	119
ВЕРА ЗУБАРЕВА — Две поэмы. Из цикла «Айболиада»	127
САША НИКОЛАЕНКО — Письма Дятлова, Иван Алексеича, жене, Ане Дятловой, и Алеше, рассказ	134

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ЧЕККО АНДЖОЛЬЕРИ — Сонеты. Перевод с итальянского Геннадия Русакова	147
--	-----

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ — «Как отраден мне ваш привет». О переписке И. С. Аксакова и Е. А. Свербеевой	150
---	-----

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 200-ЛЕТИЮ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА:

Александр Костерев. Белинский и Григорьев: прошлое и будущее литературной критики; Марианна Дударева. «Искатель абсолютного»: апофатика смерти Аполлона Григорьева; Игорь Сухих. Критик с гита- рой; Анастасия Шолохова. Аполлон Григорьев и Федор Достоевский; Татьяна Зверева. Две Мадонны: сюжет созерцания картины у В. Жуков- ского и Ап. Григорьева; Андрей Порошин. Рваные тучи; Андрей Поро- шин. Дефис в поэзии Григорьева; Руслан Берестнев. «Прав я или не прав, этого я не знаю; я — веяние!»	156
--	-----

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ПАВЕЛ УСПЕНСКИЙ, АНДРЕЙ ФЕДОТОВ — «Вчерашний день, часу в шестом...» Н. Некрасова. Альбомное стихотворение о государственном насилии, квартале красных фонарей и поэтической немоте? 173
- КИРИЛЛ КОРЧАГИН — «Запах истории». Борис Слуцкий между Фернандо Пессоа и Александром Лурией 188

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Сергей Солоух. Ну, и пронзительное, конечно... (Louis-Ferdinand Céline. Guerre) 210
- Александр Вергелис. За душу отвечаешь ты (Алексей Пурин. Астры) 214
- Андрей Ранчин. Взгляд и нечто, или «Жила-была русская литература» (Ирина Лукьянова. Экспресс-курс по русской литературе) 217

-
- СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ 221

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

- Книги: выбор Сергея Костырко 227
- Периодика (составитель Андрей Василевский) 229
- SUMMARY 240

В 2022 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakaznovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/

или в электронном каталоге «Почты России»:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН379>

В 2022 году «Новый мир» выходит при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Поэзию Григорьева принимали далеко не все. К примеру, Виссарион Белинский писал: «Он певец вечно одного и того же предмета — собственного своего страдания... Не много есть у г. Григорьева стихотворений, в которых не говорилось бы о „гордости страданья“, о „безумном счастье страданья“. Это значит сделать из страданья ремесло, — что кажется нам не совсем истинным и не совсем естественным».

Для Достоевского же Григорьев «вечно декламирующая душа».

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!
Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки —
Ты, мотив венгерки!

Эту болезненную страстность, надлом он передал Дмитрию Карамазову.

Несмотря на разногласия, Достоевский помогал Григорьеву, навещал его в долговой тюрьме. И он же оказался одним из немногих провожавших Григорьева в последний путь.

Достоевский написал об Аполлоне Григорьеве следующее: «И так как раздваивался жизненно он менее других, и, раздвоившись, не мог так же удобно, как всякий „герой нашего времени“, одной своей половиной тосковать и мучиться, а другой своей половиной только наблюдать тоску своей первой половины, сознавать и описывать эту тоску свою, иногда даже в прекрасных стихах, с самообожанием и с некоторым гастрономическим наслаждением, то и заболел тоской своей весь, целиком, всем человеком, если позволят так выразиться».

Татьяна Зверева, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск.

ДВЕ МАДОННЫ: СЮЖЕТ СОЗЕРЦАНИЯ КАРТИНЫ У В. ЖУКОВСКОГО И АП. ГРИГОРЬЕВА

Имена В. Жуковского и Ап. Григорьева открывают и замыкают собой романтическую эпоху: Жуковский — «Колумб русского романтизма», Ап. Григорьев — «странствующий романтик», в жизни и творчестве которого ярко выражен распад предшествующего времени. Несмотря на принадлежность к одному направлению, их имена с трудом сопрягаются друг с другом, однако еще А. Пушкин указывал на «странные сближения», в которых угадываются тайные законы жизни. Пожалуй, именно Жуковскому и Григорьеву принадлежат лучшие поэтические описания их встреч с живописными творениями. В 1821 году первый из них откроет для русского читателя «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля, а в 1857 году второй расскажет о «Мадонне» Мурильо.

«Я смотрел на нее несколько раз; но видел ее только однажды», — так начинается свое знаменитое письмо из Дрезденской галереи В. Жуковский. В письме, ставшем впоследствии манифестом романтической эстетики, поэт говорит о природе подлинного искусства, теснейшим образом связанного с Откровением. Рафаэлева Мадонна для Жуковского не столько живописное

полотно, созданное великим гением, сколько окно в Божественный мир: «...занавес раздвинулся, и тайна неба открылась глазам человека».

Обретая ауральную ценность, картина обращается в икону. Именно поэтому постижение сути рафаэлевского сюжета доступно только в исключительные минуты, когда душа поэта способна резонировать с откровениями художника: «...это не картина, а видение: чем дольше глядишь, тем живее удивляешься, что перед тобою что-то неестественное происходит (особенно, если смотришь так, что ни рамы, ни других картин не видишь). И это не обман воображения... Здесь душа живописца, без всяких хитростей искусства, но с удивительной простотой и легкостью, передала холстине то чудо, которое во внутренности ее совершилось».

Подобная живопись сродни чуду, она преодолевает земные пределы. Как романтик, Жуковский утверждает связь искусства и Откровения. Безусловно, душе поэта доступны и иные видения — рождающиеся в его балладах образы ночного мира (показательно, что одним из любимых художников Жуковского был Каспар Давид Фридрих с его «ночными пейзажами» и чувством неизреченного). Но первостепенное дело поэзии — свидетельствовать о «гении чистой красоты», открывать завесу и вслед за Рафаэлем являть мгновения высшей жизни:

Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой.

Несмотря на светоносное имя Аполлона, Григорьев — поэт, чьему взору открылась ночная сущность мира. В одном из писем к Ф. М. Достоевскому Ап. Григорьев писал, что жизнь есть «бездна, поглощающая всякий конечный разум». Попытки постичь бытие в его сокровенной целостности не оставляли поэта на протяжении всего творческого пути. В поэтических откровениях Григорьева угадывалось не только нерасторжимое единство света и тьмы, Божественного и демонического, аполлонического и дионисийского; скорее речь шла об особой природе света, неотделимого от породившей его тьмы. Искусство становилось средством противостояния мраку окружающей и внутренней жизни.

Пытаясь преодолеть очередной жизненный кризис и душевную опустошенность, в 1857 году Ап. Григорьев совершает поездку по Европе. «Жизнь отжита, совсем отжита — это я чувствую», — с горечью замечает поэт в одном из своих писем. Впечатления от увиденного во время европейского путешествия были настолько сильны, что впоследствии он признается М. Погодину: «...в Венере Милосской впервые запел для меня мрамор, как в Мадонне Мурильо во Флоренции впервые ожили краски». Во Флоренции поэт останавливается перед ликом мурильевской Мадонны. Также, как и В. Жуковский, Григорьев посещает ее несколько раз: «По целым часам не выхожу я из галерей, но на что бы ни смотрел я, все раза три возвращусь я к Мадонне. Поверите ли Вы, что, когда я первые раза смотрел не нее, мне случалось плакать... Да! Это странно, не правда ли? Этакого высочайшего идеала женственности, по моим о женственности представлениям, я и во сне до сих пор не видывал...»

Однако, созерцая Божественную красоту, Ап. Григорьев не мог не видеть, что мурильевская Мадонна выходит из мрака: «Мрак, окружающий этот прозрачный, бесконечно нежный, девственно строгий и задумчивый лик, играет в картине столь же важную роль, как сама Мадонна и Младенец, стоящий у нее на коленях. И это не *tour de force* искусства. Для меня нет ни малейшего сомнения, что мрак этот есть мрак души самого живописца, из которого вылетел, отделился, улетучился божественный сон, образ, весь созданный не из лучей дневного света, а из розово-палевого сияния зари...» Если для Жуковского творчество связано с Откровением, то для Григорьева несомненна связь искусства с «разрушительным хаосом». Не только поэзия и живопись, но и музыка, по мнению поэта, помнит о своем родстве с породившей его бездной.

Так, музыка Бетховена обладает сходством с живописью Мурильо: «Но тут есть аналогия с бетховенским творчеством, которое тоже выходит из бездн мрака...»

В подобном ракурсе искусство — не путь восхождения к свету, а скорее один из способов преодоления тьмы. В цикле «Импровизации странствующего романтика» Ап. Григорьева особое место занимают три последних стихотворения, непосредственно обращенных к «Мадонне» Мурильо. Глядя на «Сикстинскую Мадонну», Жуковский замирал перед «тихим, неестественным светом, полным ангелов», внутренним взором видел приближающуюся деву. Лик мурильевской Мадонны также полон тайны, но еще важнее, что поэту открылось внутреннее родство «болезненно-прозрачной девы» и «немного мрака»:

Глубокий мрак, но из него возник
Твой девственный, болезненно-прозрачный
И дышащий глубокой тайной лик...

Глубокий мрак, и ты из бездны мрачной
Выходишь, как лучи зари, светла;
Но связью страшной, неразрывно-брачной

С тобой навеки сочеталась мгла...

Форма этого стихотворения не случайно восходит к терцинам, помнящим о своей связи с «Божественной комедией» Данте. Оказавшись в сумрачном лесу, дантовский герой осуществляет немислимый по своей трудности путь восхождения к свету. «Странствующий романтик» Григорьева также пытается обрести свою Беатриче, но финал ознаменован не обретением света, а трагическим осознанием недоступности божественного мира:

Когда бы знала ты,
Как осужденным заживо на муки
Ужасны рая светлые мечты
И рая гармонические звуки...

Мадонны В. Жуковского и Ап. Григорьева — два полюса русской романтической эстетики, сопряжение света и тьмы, гармонии и страдания, тишины и «кружащего вихря». В откровениях двух русских поэтов отразилась не только романтическая тоска по идеалу, но и получили словесное воплощение интенции двух гениев-живописцев. В условиях русской культуры «Сикстинская Мадонна» Рафаэля и «Мадонна» Мурильо обрели новую смысловую перспективу: картины обернулись иконами, а созерцание обнаружило свою молитвенную природу.

Андрей Порошин, преподаватель, литератор. Санкт-Петербург.

РВАННЫЕ ТУЧИ

Осенние сумерки, рваные тучи. Возмущенное карканье вороны на фонаре. Странное (или не странное?) сочетание сырости и свежести.

В такой вечер я впервые читал, еще в школьные годы, статью Аполлона Григорьева о «Грозе». Впечатление было цельное, но концепция толком не вычленилась, в формулы не складывалась. Легко описать, но трудно выразить. Без «прекрасной ясности», одним словом. Осталось чувство недоумения, некоей растерянности, разброда-раздрая эмоционального — и восхищения от полной асимметричности построениям других критиков.

В классе мы тогда статью толком не обсудили. Отвлеклись, а там и звонок. А потом и забылось...